

ЕВРОПЕЙСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ:

события, оценки, прогнозы

ISSN 2587-7518

Выпуск 50(66)
2018

СОДЕРЖАНИЕ

**«КОГДА В СОЮЗНИКАХ СОГЛАСЬЯ НЕТ»:
ПРОГРАММА PESCO В КОНТЕКСТЕ
ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ**
Юрий Никуличев

**«ФАКТОР ПРО» В ЕВРОПЕ:
ПРОТИВОРЕЧИЯ И КРИЗИС РЕЖИМОВ КОНТРОЛЯ
НАД ВООРУЖЕНИЯМИ**
Константин Богданов

**БРЮССЕЛЬСКИЙ САММИТ НАТО 2018 г.
И БУДУЩЕЕ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ**
Анна Дырина

**СУБЪЕКТНАЯ ПОЛИТИКА БЕЛАРУСИ
В СФЕРЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**
Лариса Шаншиева



ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК (ИНИОН РАН)

«КОГДА В СОЮЗНИКАХ СОГЛАСЬЯ НЕТ»: ПРОГРАММА PESCO В КОНТЕКСТЕ ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Юрий Никуличев,

ведущий научный сотрудник Отдела проблем европейской безопасности ИНИОН РАН

Ключевые слова: Европейский союз; PESCO; Лисабонский договор ЕС; США; НАТО; трансатлантические противоречия.

В политологическом и экономическом анализе международных отношений сегодня утвердилась тенденция, которую можно определить так: чрезмерное внимание к «фактору Трампа». Большой проблемы в этом, наверное, не было бы, не заслоняй от нас колоритная персона Д. Трампа все те области международных (в данном случае трансатлантических) отношений, где, по популярному выражению, «непрерывно роет крот истории», – годами и десятилетиями развиваются глубинные процессы, часто незамечаемые, но рано или поздно вырывающиеся на поверхность в виде той или иной новой «повестки дня» с ее проблемами и противоречиями.

Именно так в конце 2017 г. произошла «неожиданная» актуализация европейской военно-технической программы, вошедшей в международный лексикон под аббревиатурой PESCO – от ее полного англоязычного названия Permanent Structured Cooperation («Постоянное структурированное сотрудничество» – с уточнением: «в области безопасности и обороны»). Не подлежит сомнению, что решение Совета ЕС по запуску PESCO во многом было реакцией на те эксцессы, которые во внутриатлантических отношениях периодически провоцируются администрацией Д. Трампа, но сводить инициативу только к этому означает терять из виду всю предысторию программы, а она на сегодняшний день насчитывает как-никак добрые 15 лет.

Впервые идея «структурированного сотрудничества» появилась еще в проекте Конституции ЕС (2003) с его положением о том, что государствам, обладающим «более развитым военным потенциалом», следует в своем военно-техническом сотрудничестве ориентироваться на «задачи, требующие особого внимания». Идея была представлена в Лисабонском договоре ЕС (2009), где статья 42(б) гласила: «Государства-члены, которые отвечают более высоким критериям военных потенциалов и приняли на себя в этой сфере более жесткие обязательства с целью выполнения максимально сложных миссий, устанавливают постоянное структуриро-

ванное сотрудничество в рамках Союза»¹. Изначальной целью PESCO, как отмечают многие аналитики, был запуск процесса, который сообщил бы Европейскому союзу способность «без содействия со стороны США» справляться с кризисами, которые возникают за пределами ЕС, но, так или иначе, воздействуют на Союз². Предполагается, что для этого необходима интеграция такого уровня, на котором в конце концов могла бы сформироваться «общая оборона, не дублирующая НАТО»³. Если PESCO определить одним словом, пишет один из аналитиков, это – процесс «Это институциональный процесс, инициированный авангардом ЕС с тем, чтобы Европейский союз приобрел “автономный военный потенциал”, где последний – это нечто, находящееся в состоянии независимости от США»⁴.

На начало 2018 г. о своем участии в Программе заявили 25 государств: это все страны бывшей «Европы-28» за исключением Дании, Мальты и Великобритании, осуществляющей Брекзит. 20 государств – участников Программы состоят в НАТО; к ним добавились традиционно нейтральные Австрия,

¹ В русском переводе текста Договора «структурированное» переведено как «организованное». На английском языке эта часть договора изложена следующим образом: «Those Member States whose military capabilities fulfil higher criteria and which have made more binding commitments to one another in this area with a view to the most demanding missions shall establish permanent structured cooperation within the Union framework». См.: Consolidated texts of the EU treaties as amended by the treaty of Lisbon // https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/7310.pdf

² EU Defence and Military: An Analysis of PESCO and Other EU Security Initiatives. – 2018. Mode of access: <https://www.brugesgroup.com/blog/eu-defence-military-analysis-1> (Дата обращения 12.05.2018.)

³ Permanent Structured Cooperation: National Perspectives and State of Play. European Parliament. Directorate General for External Policies. – The EU commission, Policy Department. 2017. – P. 7 – Mode of access: http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2017/603842/EXPO_STU%282017%29603842_EN.pdf (Дата обращения 12.05.2018.)

⁴ Permanent Structured Cooperation: National Perspectives and State of Play. European Parliament. Directorate General for External Policies. – The EU commission, Policy Department. 2017. – P. 7 – Mode of access: http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2017/603842/EXPO_STU%282017%29603842_EN.pdf (Дата обращения 12.05.2018.)

Кипр, Финляндия, Ирландия и Швеция. Из государств – членов НАТО в PESCO не участвуют Албания, Исландия, Черногория, Норвегия, Турция, Канада и США.

К моменту объявления Программы был уже разработан широкий круг идей (эксперты говорят примерно о 50 возможных проектах), на основе которых могло бы строиться дальнейшее сотрудничество стран-участниц. На настоящий момент сформировано 17 крупных проектов. Это, среди прочего, разработка сети логистических центров для поддержки военных операций, унификация механизмов стратегического командования и контроля, стандартизация военного транспорта, создание специальной радиосистемы, обеспечивающей совместимость различных радиоплатформ, организация центра передового опыта для учебных подразделений вооруженных сил стран – участниц ЕС и др.¹

В публикациях отмечаются следующие особенности PESCO, отличающие проект от прежних оборонных инициатив, в разное время выдвигавшихся в Западной Европе.

В PESCO заложен **инкрементальный** (постепенно-пошаговый) подход к европейскому военному строительству. Программа, воплощая в себе идею «тактики малых шагов», популярной еще при начале организации европейских сообществ (1950-е годы), рассчитана на долгосрочный период, а не на реализацию в сколько-нибудь близкой перспективе.

Решения в рамках PESCO имеют **обязательную силу**: коль скоро государство присоединилось к «структурированному сотрудничеству», оно обязано следовать его декларированным принципам, рекомендациям и решениям, принимаемым структурами управления Программой.

Весь процесс **структурирован**: это ответ на вопрос, что значит «структурированное» в концепции и названии PESCO. Программа имеет в виду четкую организацию (структурирование) всего того, чем на сегодняшний день располагает европейское оборонное сообщество – финансы, вооружения, механизмы планирования, операционный потенциал. При таком подходе должны проявиться «пробелы в возможностях и потенциалах» (capability gaps), затем подлежащие заполнению мерами военного строительства. Для «структурированного сотрудничества» принципиальное значение имеет унификация вооружений. «До сих пор европейцы могли себе позволить 17 типов танков, 29 типов фрегатов и эсминцев и 20 типов боевых самолетов. Проекты PESCO планируют пересмотреть подобный подход» [PESCO и НАТО, 2017]. Согласно логике Программы, принци-

пиальное значение имеет улучшение транспортной гражданской инфраструктуры и инфраструктуры двойного назначения – шоссежных дорог, мостов, железных дорог, взлетно-посадочных полос аэродромов и портов. «Изначально во время холодной войны операционный театр снабжения и транспортировки войск НАТО был достаточно ограничен – от крупных портов на побережье в Северной Франции, Бельгии, Голландии и в Германии – в низовьях Рейна и до территории за этой рекой. Ключевую роль как тогда, так и теперь, играли морские коммуникации в Атлантике. Теперь коммуникации НАТО протягиваются далеко на восток – за Эльбу до восточной границы Польши и Прибалтики включительно. Фактически речь идет об улучшении логистики и военных перевозок на территории всех новых государств – членов НАТО в Центральной и Восточной Европе на близких подступах к России. По-видимому, новые исходные центры военной логистики скоро разместятся в Германии и Польше»².

Наконец, Программа в общем и целом ориентирована на страны, которые идут **в авангарде** европейских процессов, и в этом смысле PESCO ассоциируется с широко обсуждаемыми сегодня идеями «разноскоростной европейской интеграции», «концентрических кругов» и «ядра» Европы. Предполагается, что «прогресс, достигнутый немногими, пойдет на пользу всем». Пока очевидно одно – PESCO будет (или не будет) выстроено только на одном фундаменте – на германо-французской оси военного сотрудничества: собственно, именно по этой линии и шла организация Программы в последнее время. К «внутреннему кругу» PESCO также относят Италию и Испанию. Далее, наблюдатели отмечают сильную мотивацию к участию в ней со стороны Финляндии, Эстонии, Чехии, Словакии, Греции и менее выраженную – со стороны Бельгии, Люксембурга и Нидерландов (Бенилюкс), Швеции, Португалии, Румынии, Болгарии, Латвии, Литвы и Кипра; пока не до конца определенной остается позиция Польши.

Итак, на сегодняшний день PESCO от прежних оборонных начинаний Евросоюза (и от того, как национальная оборона осуществляется в странах, не присоединившихся к Программе) отличает перевод военного строительства в четкие институциональные рамки. Собственно говоря, сказать что-либо сверх этого о PESCO на данный момент, видимо, рано. Вопрос, следовательно, стоит так: чем и как будут заполнены эти институциональные рамки? И как «новая оборонная идентичность» Европы соотносится с НАТО? Ниже даны сценарии возможного развития процессов на этом направлении.

¹ Подробнее см.: Permanent Structured Cooperation (PESCO) first collaborative PESCO projects //The EU Commission. – 2018. – Mode of access: <https://www.consilium.europa.eu/media/32079/pesco-overview-of-first-collaborative-of-projects-for-press.pdf> (Дата обращения 12.05.2018.)

² PESCO и НАТО: взаимодополнение военных усилий, направленных на Восток. – 2017. – 15.11. – Режим доступа: <https://easaily.com/ru/news/2017/11/15/pesco-i-nato-vzaimodopolnenie-voennyh-usilij-napravlennoy-na-vostok> (Дата обращения 12.05.2018.)

Сценарий I. «PESCO не состоится»

Этот сценарий стоит рассматривать ввиду тех все более острых внутриевропейских противоречий, которые обозначились в последнее время и касаются, как всегда, вопросов экономики, согласования решений по внутренней политике и границам. Насколько концепция «структурированного сотрудничества» осуществима, когда сама Европа «структурируется» на ядро и периферию? Данный сценарий тем более вероятен после Брекзита и в условиях начала президентства Д. Трампа, а также все более широкого распространения влияния популистских сил, ставящих под вопрос само существование объединенной Европы. ЕС при развитии этого сценария будет постоянно терять в своей способности эффективно координировать общую оборонную политику, особенно если при этом он утратит и сильных политических лидеров уровня А. Меркель. Тогда неизбежен возврат к прежнему положению дел и установкам, т.е. роли НАТО и США как фундамента.

Сценарий II. «Business as usual, сохранение статус-кво»

В этом сценарии общая оборонная политика ЕС будет двигаться по уже давно определившейся траектории, – возможно, с незначительными улучшениями в том, что касается потенциалов и качества принятия решений. Серьезных успехов «структурированному сотрудничеству» это, однако, не гарантирует, как не обещает и заметного прогресса в продвижении Евро-союза к «стратегической автономии». В краткосрочной перспективе отношения с НАТО также сохраняют статус-кво, без серьезных улучшений и ухудшений. Необходимо подчеркнуть, что в этом сценарии есть много факторов неопределенности. Что, собственно говоря, на практике будут означать концепции «авангарда» и «миссий, требующих особого внимания»? Миссии какого характера имеются в виду? Удастся ли обеспечить движение единым фронтом для государств-участников, широко различающихся своими военно-стратегическими культурами, восприятием угроз, состоянием экономики?

Сценарий III. «На пути к успеху»

Это сценарий существенного, хотя в каких-то отношениях пока еще ограниченного, продвижения Евросоюза к более эффективной оборонной политике. Фактором этого успеха, собственно говоря, может стать само PESCO, если будет развиваться так, как это заложено в сегодняшних планах. Надлежащее исполнение технических проектов «структурированного сотрудничества», увеличение расходов и

числа НИОКР по разработке военной техники, общий рост затрат на оборону, более эффективное их использование через расширение кооперации и более четкую специализацию между участниками – все это может создать кумулятивный эффект. Он может серьезно усилить возможности общеевропейской политики в сфере обороны и безопасности, хотя, возможно, и не приведет к полной стратегической независимости ЕС от США. Вряд ли Европейский союз собственными силами сумеет создать тот объем потенциала сдерживания различных угроз, которые объединение считает для себя актуальными. Некоторые эксперты находят именно такой сценарий наиболее вероятным, указывая при этом на то, что он, однако, может привести и к существенному обострению противоречий между ЕС и США: «Если Европа сможет зайти столь далеко, почему бы ей не пройти и весь путь до конца»¹.

Сценарий IV. «Внутриатлантическое размежевание»

Этот сценарий, даже если на сколько-нибудь обозримую перспективу он и малореалистичен, стоит рассматривать ввиду тех противоречий между США и объединенной Европой, которые инспирируются по другую сторону Атлантики – в Вашингтоне. В США не только эпизодически раздаются голоса о том, что ЕС должен стать более независимым и «зрелым» игроком в международных делах, – сегодня это стало уже устоявшейся традицией определенного аналитического дискурса. Когда Д. Трамп говорит, что «США сыты по горло тем, что приходится кормить европейцев, привыкших ездить зайцем, и необходимо переосмыслить самые основы Альянса», это далеко не только его личная позиция: примерно так же в президентской кампании 2016 г. высказывались Б. Сандерс и Р. Пол, а в исследовательском сообществе США появилась не одна книга на тему о том, что «союзники обходятся куда дороже, чем они того реально стоят». Пишут даже о том, что Вашингтон должен четко определить срок прекращения членства США в НАТО и отозвать свои войска из Европы. Например: следующая администрация должна «в первый же свой день» послать европейским государствам-партнерам четкий сигнал: «занимайтесь сами своей обороной – мы возвращаемся домой»².

¹Howorth J. Strategic autonomy and EU-NATO Cooperation: squaring the circle//Security Policy Briefs. – 2017. – 10.05. – Mode of access: <http://www.egmontinstitute.be/strategic-autonomy-and-eu-nato-cooperation/> (Дата обращения 12.05.2018.)

²Bacevich A. Ending Endless War: A Pragmatic Military Strategy //Foreign Affairs. – 2016. – 1.09. – Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2016-08-03/ending-endless-war> (Дата обращения 12.05.2018.)

В период формирования НАТО ее генеральный секретарь лорд Г.Л. Исмей говорил: предельно общая задача НАТО – «оставить русских [советских] – вне [Альянса], американцев – внутри, а немцев [ФРГ] – под контролем». Сегодня Германия

вместе с Францией активнее всех участвует в европейском военном строительстве, а США критикуют НАТО и чуть ли не собираются «возвращаться домой»... Да, много же воды утекло под мостами Сены, Рейна и Потомака!

«ФАКТОР ПРО» В ЕВРОПЕ: ПРОТИВОРЕЧИЯ И КРИЗИС РЕЖИМОВ КОНТРОЛЯ НАД ВООРУЖЕНИЯМИ

Константин Богданов,

научный сотрудник ЦМБ ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова

Ключевые слова: ЕвроПРО; стратегическая стабильность; контроль над вооружениями; полицеский ядерный мир; безопасность в Европе.

Выход США из Договора по ПРО, активизация усилий США и НАТО по совершенствованию и созданию противоракетных систем серьезно обострили российско-американские военно-политические отношения, создали угрозу для стратегической стабильности и всей системы соглашений по сокращению и ограничению ядерных вооружений. Размещение стационарных противоракетных комплексов Aegis Ashore в Восточной Европе (с 2015 г. на базе Девеселу, Румыния; с 2020 г. планируется на базе Редзиково, Польша) и начало дежурства американских кораблей с противоракетами Standard SM-3 в европейских водах (с 2015 г. на базе Рота, Испания) задают многостороннее измерение конфликтной ситуации, втягивая в нее и европейские страны – участницы НАТО.

Каким образом и под влиянием каких факторов трансформировались российско-американские противоречия в сфере ПРО, приведя в итоге к появлению такой проблемы международной безопасности, как размещение средств ПРО в Восточной Европе?

По «ту сторону» Договора по ПРО

Важным элементом, приведшим к глубокому кризису российско-американских военно-политических отношений, стал односторонний выход Ва-

шингтона из Договора по ПРО, который ранее официально признавался обеими сторонами как «краеугольный камень стратегической стабильности»¹. Примечательно, что этот выход США из Договора произошел в период, когда рабочие отношения двух стран на фоне начавшейся войны с международным терроризмом существенно потеплели и находились едва ли не в самом лучшем состоянии со времен распада СССР. Однако в США не прислушались к предложениям Москвы видоизменить договор ради его сохранения. Соглашение посчитали бесповоротно устаревшим, а отказ от гарантий аргументировался тем, что Россия отныне не является противником США и дальнейшее развитие двухсторонних отношений требует отказа от сдерживания через страх взаимного уничтожения².

Российская сторона неоднократно обращала внимание на необходимость сохранения принципа «матрицы глобальной безопасности», органически формируемой системой международных соглаше-

¹ Совместное заявление президентов РФ и США в отношении Договора по ПРО. Хельсинки, 21 марта 1997 г. URL: <https://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/hel-js.htm> (Дата обращения: 18.06.2018.)

² Bush G.W. Remarks at the National Defense University // The American Presidency Project, May 1, 2001. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=45568> (Accessed: 18.06.2018.)

ний, взаимно дополняющих друг друга¹, и на пагубность подхода, связанного с односторонним разрывом действующих договоренностей в столь чувствительной области. Настойчивость Москвы привела, в частности, к фиксации взаимосвязи между наступательными и оборонительными стратегическими вооружениями в преамбуле Пражского договора о СНВ (2010). Однако в отсутствие двусторонней заинтересованности в деятельной совместной работе эрозия режимов контроля продолжалась.

Неверно было бы объяснять разрыв договора одним лишь волюнтаризмом Вашингтона. Здесь проявилось одно из противоречий современного миропорядка, в котором действуют контрольные режимы, создававшиеся в основе своей в 1970–1980-е годы, еще в условиях биполярного мира и пика идеологического противостояния двух систем.

С одной стороны, продолжает действовать логика, заложенная в Договор по ПРО. Системы стратегической ПРО рассматривались² как дестабилизирующие – подталкивающие к превентивному применению ядерного оружия в «удачный» момент из-за мнения о возможности отразить ослабленный ответный удар. «Взаимная уязвимость» давала гарантии неотвратимости разрушительного ответного удара любой из двух сверхдержав. Ограничения на развертывание средств ПРО в биполярном мире дополнительно стабилизировали ситуацию, устраняя иллюзии о возможности выиграть полномасштабную ядерную войну за счет «точечного превосходства» в оборонительных системах.

С другой стороны, современному миропорядку в гораздо большей степени свойственно горизонтальное распространение ядерного оружия и ракетных технологий. Особенно в нынешних условиях, когда ядерные державы аннулируют свои прежние обязательства (как в случае с Договором по ПРО), отказываются от ратификации важнейших соглашений (как в случае с Договором о всеобъемлющем запрете ядерных испытаний) или не стремятся к разрешению возникающих противоречий, используя взаимные претензии для обострения отношений (как в случае с Договором о ликвидации ракет средней и меньшей дальности).

Вакуум безопасности на фоне проявляющейся дисфункции международных институтов и продолжающихся локальных интервенций ведущих держав повышает интерес неядерных стран к обретению ядерного оружия как средства сдерживания, что опрокидывает конструкцию Договора о нерас-

пространении ядерного оружия и подрывает всю систему контрольных режимов, выстраивавшуюся последние полвека.

Однако в нашем случае парадокс состоит в том, что в мире, где повышаются риски локальных ядерных конфликтов, система ПРО уже не может рассматриваться как однозначно дестабилизирующий фактор³. Ограниченное развертывание средств ПРО уже исполняет определенные стабилизирующие функции, ограничивая риски крупных ядерных держав, связанные с расширением «ядерного клуба».

В рамках формирующейся противоречивой логики, пытающейся учитывать как подходы прошлого, так и современные тенденции военно-политических отношений, первым компонентом новой американской системы ПРО, развернутой за рубежом, стал европейский. Его основной задачей была названа оборона союзников США в Европе от ограниченных гипотетических запусков ракет Ирана.

Почему изменение причин не ведет к изменению следствий?

В исходном плане (2002) еврокомпонент был сокращенной копией двух баз территориальной ПРО США (в Ванденберге и Форт-Грилли), поэтому его назвали «третьим позиционным районом». Предусматривалось размещение в Польше базы противоракет GBI, а в Чехии – радара.

После прихода в Белый дом президента Б. Обамы, изначально настроенного на диалог с Россией по линии дальнейшего сокращения стратегических вооружений, ситуация поменялась. В сентябре 2009 г. Обама объявил, что вместо прежней программы будет запущен так называемый «Европейский поэтапный адаптивный подход» (ЕРАА)⁴. Чешский радар отменялся, а GBI в Восточной Европе заменялись на комплексы Aegis Ashore. Это наземная версия морской зенитной системы, включающая радар AN/SPY-1 и пусковые установки Mk. 41, из которых предполагалось применять противоракеты Standard SM-3.

Шаг Б. Обамы, с одной стороны, понизил напряженность, поскольку боевые средства ЕРАА могли воздействовать на российские стратегические ракеты только начиная с момента развертывания противоракеты IV фазы (SM-3 Block IIB). Изначально этот срок был установлен на 2020 г., однако уже в 2013 г. было объявлено о заморажи-

¹ Лавров С. Новый Договор о СНВ в матрице глобальной безопасности. Политическое измерение // Международная жизнь. 2010. № 7. С. 1–20.

² McNamara R. The Dynamics of Nuclear Strategy / The Department of State Bulletin, Vol. 57. P. 443–451.

³ Арбатов А. Стратегические асимметрии и дипломатия / Под ред. А. Арбатова, В. Дворкина. Противоракетная оборона: Противостояние или сотрудничество? – М.: РОССПЭН, 2012. С. 326.

⁴ A Phased, Adaptive Approach for Missile Defense in Europe. Fact Sheet on U.S. Missile Defense Policy // The White House: President Barack Obama. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/fact-sheet-us-missile-defense-policy-a-phased-adaptive-approach-missile-defense-eur> (Accessed: 18.06.2018.)

вании разработки. Причиной назвали дефицит средств и то, что ракета потребовала мощного стартового ускорителя, габариты которого не вписываются в установку Mk. 41, а это подрывает сам принцип унификации, по которому ракету можно было бы применять с борта кораблей ВМС США без их кардинального переоснащения.

В таком варианте еврокомпонент ПРО начинал выглядеть как средство борьбы с ракетами Ирана не только на словах, но и по реальным возможностям: допустимыми целями виделись ракеты средней дальности, которые у России отсутствуют (GBI способен перехватывать и межконтинентальные ракеты). Однако реакция Москвы была негативной. Пусковые установки Mk. 41 на флоте США используются для запуска крылатых ракет Tomahawk, следовательно, их появление на суше формально трактуется как нарушение Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности. В Вашингтоне заявили, что комплексы Aegis Ashore не предназначены для запуска Tomahawk (не имеют требуемых для этого блоков аппаратуры и программного обеспечения)¹, однако никаких практических мер доверия в отношении этих объектов предпринято не было, и их реальное состояние остается непрозрачным для России. На этом примере отчетливо просматривается глубокое недоверие и неготовность Вашингтона, Брюсселя и Москвы в современных условиях вступать в диалог ради снятия озабоченностей.

Военно-технические «частности», однако, не должны затенять логики военно-политического контекста, в котором изначально выстраивался ЕРАА. Как план обороны Европы от гипотетического ракетного удара Ирана он был оправдан вплоть до середины 2010-х годов. Принятие в июле 2015 г. Совместного всеобъемлющего плана действий в отношении ограничения ядерной программы Ирана (СВПД) серьезно снизило напряженность, приведя на какой-то период к разрядке в отношениях Вашингтона и Тегерана.

Тем не менее очевидное сокращение угрозы не привело к изменениям в реализации III фазы ЕРАА, хотя Б. Обама при запуске плана указывал на необходимость корректировки в случае прогресса в договоренностях с Ираном². Никаких реальных действий по адаптации ЕРАА к изменению ключевого фактора, которым он и был официально вызван к жизни, не произошло, хотя дискуссии в экспертном сообществе Европы и США об этом идут³.

¹ Refuting Russian Allegations of U.S. Noncompliance with the INF Treaty // U.S. Department of State, Dec. 8, 2017. URL: <https://www.state.gov/t/avc/rls/2017/276360.htm> (Accessed: 18.06.2018.)

² Remarks by the President at the New Economic School Graduation // The White House: President Barack Obama. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/remarks-president-new-economic-school-graduation> (Accessed: 18.06.2018.)

³ См., например: Erasto T. Time for Europe to Put Iran's Missile Programme in Context // SIPRI. Oct. 30, 2017. URL: <https://www.sipri.org/commentary/topical-backgrounder/2017/time-europe-put-iran-missile-programme-context> (Accessed: 18.06.2018); Thielmann G. NATO's Missile Defense Plan Must Adapt to the Real World // The Hill. Jul. 6, 2016. URL: <http://thehill.com/opinion/op-ed/286759-natos-missile-defense-plan-must-adapt-to-the-real-world> (Accessed: 18.06.2016.)

Еврокомпонент ПРО: Оценка возможностей

Российские военные неоднократно демонстрировали гипотетические сценарии, в которых еврокомпонент ПРО США (включая возможное усиление путем переброски в Норвежское море крейсеров и эсминцев, оснащенных противоракетами SM-3) способен угрожать российским межконтинентальным ракетам, стартующим из западных районов страны. Вместе с тем, по их собственным уверениям, это моделирование носило упрощенный характер и не учитывало меры по противодействию ПРО⁴.

Оценивавшие подобные выкладки ряд российских специалистов по ракетным технологиям указывают, что в них не учтены важные особенности современных ракетных комплексов – в частности, сокращенное время активного (разгонного) участка траектории⁵. Эти эксперты полагают единичный перехват российских МБР возможным лишь теоретически, и то – с использованием перспективного космического эшелона средств обнаружения, не развернутого в настоящий момент⁶. Сходно оценивают возможности еврокомпонента ПРО и западные эксперты, включая давнего и последовательно критика военно-технической политики США Т. Постола⁷.

Ведущий разработчик российских ракетных комплексов академик Ю.С. Соломонов неоднократно высказывался по проблеме возможностей еврокомпонента ПРО, оценивая их крайне низко. В последние годы Соломонов сохранил этот скептический настрой, подчеркивая, что европейские

⁴ Опасность ПРО США для ядерных потенциалов РФ и Китая оказалась недооцененной // Интерфакс. 11 октября 2016. URL: <http://www.interfax.ru/world/531967> (Дата обращения: 13.06.2018); Герасимов В. Оценка глобального потенциала ПРО // Выступление на II Московской международной конференции по безопасности, 2012 [видеозапись] URL: http://mil.ru/conference_of_pro/photo_video/video/more.htm?id=2269@morf VideoAudioFile (Дата обращения: 18.06.2018.)

⁵ Дворкин В. Ядерный психоз крепчает // Независимое военное обозрение. 19 мая 2017. URL: http://nvo.ng.ru/realty/2017-05-19/1_948_psihoz.html (Дата обращения: 18.06.2018.)

⁶ Подробный расчет сценариев применения см., например: Пырьев В., Дворкин В. Программа США/НАТО и стратегическая стабильность / Под ред. А. Арбатова, В. Дворкина. Противоракетная оборона: противостояние или сотрудничество? – М.: РОССПЭН, 2012. С. 185–190.

⁷ Postol T., Lewis G. The Proposed U.S. Missile Defense in Europe: Technological Issues Relevant to Policy. Washington, DC: American Association for the Advancement of Science, 2007; Sankaran J. The United States' European Phased Adaptive Approach Missile Defense System: Defending Against Iranian Threats Without Diluting the Russian Deterrent. Santa-Monica, CA: RAND Corporation, 2015. P. 37–46.

базы Aegis Ashore куда опаснее для России как потенциальные пусковые установки ударных средств, чем противоракеты¹.

Остаются неясными и перспективы трансформации американских региональных районов ПРО в многоэшелонную глобальную систему мобильных информационных и огневых средств². На данном этапе это решение не реализуется, однако отсутствие международных ограничений для систем ПРО оставляет открытым вопрос о пределах их совершенствования.

Основное осложнение при дальнейшем развитии систем ПРО – риск возобновления гонки стратегических вооружений. Повышение оценки противоракетных возможностей противника (пусть даже ошибочное) в какой-то момент может потребовать количественного наращивания группировки СЯС для обеспечения доставки расчетного числа боевых блоков с установленной вероятностью. Это сведет на нет несколько десятилетий усилий по ограничению и контролю над стратегическими вооружениями.

Несмотря на всю серьезность кризиса системы международной безопасности и эрозию связанных с нею режимов контроля над ядерными и обычными вооружениями, основная проблема состоит не толь-

ко в масштабе решаемой задачи, но, главным образом, в критически низком уровне доверия между Россией и Западом. Постепенная нормализация этих отношений в областях, непосредственно не связанных с военно-политической тематикой, безусловно, способствовала бы и разрешению проблем в области ПРО и в сфере безопасности в целом.

Деэскалация кризиса двухсторонних отношений вокруг ПРО США/НАТО затруднена без возрождения имеющихся и создания новых мер доверия, вписанных в общеевропейский контекст безопасности. Так, отсутствие влияния СВПД на ход исполнения ЕРАА, мотивированного иранской ракетной угрозой, увеличивает неопределенность и повышает напряженность в отношениях России и НАТО.

При этом восстановление диалога в области противоракетных систем (в том числе – и по ПРО в Европе) должно сопровождаться поэтапным приведением контрольных режимов в соответствие с меняющейся полицентрической структурой мира. Это подразумевает не обрушение системы контроля над ядерным оружием, а ее «капитальный ремонт» с возведением дополнительных «несущих конструкций» в виде укрепления имеющихся и выработки новых соглашений в этой области.

¹ Юрий Соломонов: «Стратегические ядерные силы являются наиважнейшей составляющей национальной безопасности государства» [интервью] // Национальная оборона. 2011. № 6. URL: <http://www.nationaldefense.ru/includes/periodics/defense/2011/0617/10566340/detail.shtml> (Дата обращения: 18.06.2018); «Соединенные Штаты Америки ждет судьба Древнего Рима» // Национальная оборона. 2017. № 8. URL: <http://www.nationaldefense.ru/includes/periodics/maintheme/2016/0825/125919083/detail.shtml> (Дата обращения: 18.06.2018.)

² Есин В. Политика США в области противоракетной обороны и ее влияние на стратегическую стабильность // Вестник Московского университета. Сер 25: Международные отношения и мировая политика. 2015. № 3. С. 107–109.

БРЮССЕЛЬСКИЙ САММИТ НАТО 2018 г. И БУДУЩЕЕ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Анна Дырина,

младший научный сотрудник Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН

Ключевые слова: Брюссельский саммит; НАТО; евро-атлантическая безопасность и сотрудничество; оборона; контроль над вооружениями.

11–12 июля 2018 г. в Брюсселе состоялась очередная встреча на высшем уровне 29 государств – членов Североатлантического союза, а также государств-партнеров, разделяющих ценности и принципы организации. Итоги и решения саммита имеют ключевое значение в сфере безопасности, коллективной обороны и кризисного регулирования в странах Евро-Атлантического региона и за его пределами. Современные вызовы и угрозы формируют стратегическое направление деятельности Альянса, среди них: подрыв международного порядка, территориальные спорные конфликты, продолжающиеся кризисы на Ближнем Востоке и в Северной Африке, терроризм (во всех его формах и проявлениях), атаки в кибернетическом пространстве, распространение оружия массового уничтожения, стремительное развитие новейших инновационных технологий в военной сфере, оружие нового поколения, гонка вооружений, энергетическая безопасность.

В российском медиапространстве принято представлять Альянс как угрожающую России и в то же время малозначимую организацию. На Западе активно эксплуатируют образ России как страны-агрессора, страны недемократической, наделяя ее невероятной властью и влиянием. Условия информационной войны не способствуют взаимопониманию. А тем временем на саммите принимается дальнейшая стратегия развития Альянса не только в военной сфере, но и в политической, что впоследствии будет иметь значение и для России. Именно поэтому представляется важным проанализировать ряд моментов.

Одним из центральных внутренних вопросов организации остается следование Обязательству по оборонным инвестициям (принято в Уэльсе в 2014 г.). Две трети стран – участниц НАТО имеют национальные планы, предусматривающие расходовать 2% их ВВП на оборону к 2024 г. У значительного числа государств – членов НАТО более 20% оборонных расходов приходится на основные виды вооружений и техники, включая научно-исследовательские разра-

ботки, а по планам к 2024 г. 24 страны – участницы Альянса будут соответствовать рекомендованному показателю 20%¹. Генеральный секретарь Йенс Столтенберг обозначил, что в 2018 г. восемь государств-членов будут расходовать не менее 2% ВВП на оборону, по сравнению с тремя членами в 2014 г.² Для примера: на данный момент США расходуют 4% своего ВВП на НАТО, Германия – 1%. Президент США Д. Трамп выразил свое негативное отношение к такому положению дел, подчеркнув необходимость других стран-участниц выполнять установленные обязательства, а также не упустил возможности упрекнуть Германию за «Северный поток-2» (70% поставок газа в Германию будут контролироваться Россией).

В отношении России Альянс продолжает намеченную политику сдерживания, считая действия российского государства агрессивными и подрывающими мировой порядок. Отсутствие необходимого взаимодействия оставляет взаимоотношения НАТО – РФ на низком уровне. Камнем преткновения остается конфликт в Украине. Союзники по НАТО обращают внимание на растущую военную деятельность России, развертывание современных ракет двойного назначения в Калининграде, наращивание военной мощи в Крыму, рост количества учений. Россию обвиняют во вмешательстве в избирательные процессы и внутренние дела стран – участниц Североатлантического альянса, агрессивное поведение в кибернетической сфере, применение нервно-паралитического вещества в Солсбери, однако все эти обвинения не имеют легитимных доказательств. Взаимоотношения сводятся к силе действия и противодействия, взаимных сдержек и противовесов.

Что касается предметного диалога, с 2016 г. состоялось семь заседаний Совета Россия – НАТО на уровне послов. Участники Альянса видят возмож-

¹ Brussels Summit Declaration // https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_156624.htm?selectedLocale=en

² "NATO Engages: The Brussels Summit Dialogue" – Remarks by NATO Secretary General Jens Stoltenberg at the Security Conference held on the margins of the NATO Summit Brussels // https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_156731.htm?selectedLocale=en

ность «разморозки» в отношениях только в соблюдении Минских соглашений, прекращении огня в Донецкой и Луганской областях, контроле над вооружениями (выполнение Венского документа, Договора об открытом небе, Договора об обычных вооруженных силах в Европе). Необходимо также решить проблему транспарентности в военных учениях. Одними из ключевых целей являются контроль над вооружениями и разоружение, ядерное сдерживание. Государства – члены НАТО отметили сокращение Соединенными Штатами и Россией стратегического ядерного оружия (согласно новому Договору о сокращении и ограничении стратегических вооружений). Подчеркивается необходимость соблюдения Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (РСМД). Акцентируется роль России в урегулировании ситуации на Ближнем Востоке, в частности в Афганистане. «Окно» для партнерства НАТО и России существует и представляет стратегическую ценность для поддержания безопасности в Евро-Атлантическом регионе и за его пределами, особенно при наличии прямых угроз, одной из которых является терроризм.

НАТО является частью Глобальной коалиции по борьбе с ИГИЛ / «Даиш» (организация, запрещенная в РФ). Альянс запускает новую небоюю миссию в Ираке по учебной подготовке и наращиванию потенциала в рамках стабилизации государства правительством Ирака и борьбе с терроризмом. Партнерами в данной миссии выступили Австралия, Финляндия и Швеция (две последние, как известно, не входят в Альянс).

Стратегическое значение для Ближнего Востока и Северной Африки имеет принятый Пакет мер по югу, преследующий цели укрепить оборонный потенциал от угроз, исходящих из южных регионов, внести вклад в международные усилия по кризисному регулированию, а также помощь региональным партнерам. Функциональный Хаб для юга будет размещаться на базе Командования ОВС НАТО в Неаполе. В рамках Средиземноморского диалога Альянс поддерживает партнерство с Иорданией (на территории которой проходят учебные мероприятия по линии укрепления оборонного потенциала Ирака) и Тунисом (пакет мер по укреплению оборонного потенциала страны посредством образования и подготовки).

Принципиально важным остается вопрос стабилизации Афганистана. Усиление афганских вооруженных сил будет повышать их способность бороться с террористическими группировками, представляющими угрозы для всего мирового порядка. Союзники НАТО и их партнеры по операции усилили свое присутствие в регионе. Продолжается миссия «Решительная поддержка», обеспечивающая обучение, консультации, содействие афганским национальным силам обороны и безопасно-

сти. Принято решение о продолжении финансирования афганских вооруженных сил до 2024 г.¹

В целях укрепления способности Североатлантического союза к быстрому реагированию, оперативности сил и средств, страны – участницы НАТО выдвинули инициативу об усилении готовности «4 по 30». Данная мера направлена на сдерживание России. Из общего числа вооруженных сил государства-члены предоставят дополнительно 30 крупных военно-морских кораблей, 30 тяжелых и средних маневренных батальонов и 30 боевых воздушных эскадрилий, с вспомогательными подразделениями, находящимися в таком состоянии боевой готовности, которое позволит им в течение 30 дней или раньше приступить к выполнению задачи. Данное обязательство должно быть выполнено к 2020 г.

Что это значит для России? Альянс укрепляет свои позиции на территориях, расположенных вблизи российской границы, продолжая видеть в России потенциальную угрозу. Надо полагать, что ответные меры российской стороны не заставят себя долго ждать. Несмотря на то что представители экспертных кругов склоняются к тому, что такие решения НАТО едва ли могут угрожать национальной безопасности России, взаимное сдерживание и гонка вооружений продолжатся. Российская армия более мобильна и способна к быстрому реагированию, в отличие от войск Альянса, где сложным является процесс принятия решений. Поэтому последние пытаются компенсировать данный факт, предпринимая разные меры.

На саммите принято решение о необходимости повышения военной мобильности на суше, в воздухе и на море (не позднее 2024 г.) путем общеправительственного подхода, в том числе посредством национальных планов, при межведомственном сотрудничестве гражданских и военных структур. Министры обороны будут ежегодно анализировать достигнутый прогресс. Цели, которые ставят перед собой союзники по НАТО: сокращение времени пересечения границы, предоставление дипломатических разрешений на передвижения по суше, воздуху и морю в течение пяти дней к концу 2019 г., возможность сокращения этого срока для более быстрого подкрепления; определение к концу 2018 г. главных и альтернативных маршрутов доставки, пригодных для военного транспорта; участие в учениях для тренировки военной мобильности; создание сети между НАТО, национальными учреждениями, гражданскими и военными, в том числе единые национальные контактные пункты к концу 2019 г.²

¹ Joint Statement on the Resolute Support Mission in Afghanistan // https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_156625.htm?selectedLocale=en

² Brussels Summit Declaration // https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_156624.htm?selectedLocale=en

В отношении военно-морских сил Альянс отмечает важность стратегической оценки ситуации в районах Балтийского, Черного и Средиземного морей, Северной Атлантики. Запланированы расширенные программы учений (противолодочные боевые действия, десантные операции, защита морских путей сообщения). Что касается воздушного пространства, согласована стратегия по объединенному военно-воздушному потенциалу (миссии НАТО по патрулированию воздушного пространства, противоракетная оборона).

Новые угрозы, связанные с новыми военными технологиями, беспилотными летательными аппаратами, а также кибернетические угрозы могут повлиять на безопасность Североатлантического союза. В связи с этим Альянс принял решение укреплять основанную на разведанных осведомленность об обстановке, соблюдать Обязательства по кибернетической обороне. Также созданы группы поддержки по борьбе с гибридными действиями, предоставляющие адресную, целевую поддержку государствам-членам.

Принято решение об увеличении численности Сил реагирования НАТО, Объединенной оперативной группы повышенной готовности (VJTF). В соответствии с решением, принятым в Варшаве, усиленное присутствие четырех многонациональных, находящихся в боевой готовности, тактических групп численностью в батальон в Эстонии, Латвии, Литве и Польше задействует более 4500 военнослужащих из разных стран. Создан штаб многонациональной дивизии «Северо-Восток», который выйдет на полный уровень боеготовности к декабрю 2018 г. Обеспечено присутствие в регионе Черного моря. В Румынии создана многонациональная рамочная бригада для обучения сухопутных войск стран – участниц НАТО. Дания, Эстония и Латвия предложили в дальнейшем создать дополнительный многонациональный дивизионный штаб.

Данное решение – одна из мер системы взаимного сдерживания Альянса и России, что, вне всякого сомнения, препятствует нормализации двусторонних отношений. Постсоветское пространство остается сферой стратегических интересов России, и любое усиление присутствия там войск Североатлантического союза вызывает негативную реакцию.

Помимо перечисленных на саммите приняты решения по адаптации и усилению командной структуры НАТО, что позволит Верховным Главнокомандующим осуществлять управление вооруженными силами для любых задач на любом направлении. Намечено создание Центра киберопераций в Бельгии (для обеспечения осведомленности об об-

становке и координации оперативной деятельности в кибернетическом пространстве), Объединенный штаб командования ВС в Норфолке (США) для защиты трансатлантических линий связи и Объединенное командование по тыловому обеспечению логистики в Германии.

Ядерные силы США, Великобритании и Франции считаются гарантией безопасности стран НАТО. Противоракетная оборона дополняет роль ядерного оружия. В 2010 г. на Лисабонском саммите было принято решение о создании потенциала баллистической противоракетной обороны НАТО (БПРО), которая основана на добровольных вкладах государств (в основном средствах США) в рамках Европейского поэтапного адаптивного подхода в Румынии, Турции, Испании и Польше.

Угрозой международной безопасности остается распространение государственными и негосударственными субъектами ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения (ОМУ), применение химического оружия. Страны – участницы НАТО подчеркивают необходимость борьбы с распространением ОМУ путем соблюдения соответствующих договоров, а именно Конвенции о запрещении химического оружия, Конвенции о биологическом и токсичном оружии, ДНЯО, а также соблюдения обязательств странами, входящими в соответствующие международные программы (Инициатива по безопасности в борьбе с распространением ОМУ, инициативы по контролю за ядерным разоружением).

НАТО активно развивает партнерские отношения, продолжая политику «открытых дверей». На данном саммите бывшая югославская Республика Македония получила приглашение стать 30-м членом Альянса под ее новым названием – Республика Северная Македония.

Грузия имеет статус партнера с расширенными полномочиями и участника Ускоренного диалога, вносит вклад в Силы быстрого реагирования НАТО и операцию «Решительная поддержка», а также приняла на себя обязательство о выделении 2% ВВП на оборону Альянса. Йенс Столтенберг заявил, что Грузия станет членом НАТО¹, согласно принятым решениям саммита в Бухаресте (2008), подразумевая неопределенное будущее. Из-за наличия спорных территорий Грузия вряд ли в ближайшее время вступит в Альянс (независимость Абхазии и Южной Осетии не признают ни Грузия, ни страны – участницы НАТО). На данный момент практическое сотрудничество проходит в рамках «Существенного пакета НАТО – Грузия» (Substantial NATO-Georgia Package SNGP), в реализа-

¹Remarks by NATO Secretary General Jens Stoltenberg at a press point with the President of Georgia, Giorgi Margvelashvili (NATO Summit Brussels) // https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_156735.htm?selectedLocale=en

цию которого вносят вклад все члены Альянса, а также Финляндия и Швеция. Программа поддерживает грузинские реформы в сфере безопасности и обороны, способствует их сопряжению с программами НАТО. Под эгидой Альянса в Грузии открыта «Школа институционального возрождения обороны». Отмечается грузинский вклад во взаимное информирование по безопасности в Черноморском регионе. Грузия активно участвует в военных учениях НАТО (намечены на март 2019 г.), она примет участие в операции «Морской страж» (Sea Guardian)¹.

Украине дан статус страны-аспиранта в НАТО, ожидать вступления страны в Альянс в ближайшем будущем не стоит, ведь на территории Украины развивается вооруженный конфликт и имеются территориальные споры с Россией. На данный момент ведется постоянная поддержка реформ в сфере безопасности и обороны, в том числе посредством Пакета всеобъемлющего содействия. НАТО и Украина активизируют деятельность в рамках Платформы по противодействию гибридной войне. Украина приняла решение увеличить свой вклад в миссию «Решительная поддержка» и Силы реагирования НАТО².

Членство Грузии и Украины в Альянсе затрагивает национальные интересы России, вопрос является острым. Однако участники НАТО не станут его обострять в ближайшей перспективе, так как это может усилить имеющиеся противоречия вплоть до открытого конфликта.

На данный момент Североатлантический альянс продолжает оставаться влиятельным военно-политическим союзом, позиционируя себя как оборонительную союзническую организацию (с постоянно развивающейся в соответствии с вызовами времени структурой), обеспечивающим трансатлантические связи между Европой и Северной Америкой. Проблема заключается в том, что силы Альянса консолидируются вокруг борьбы с «российской угрозой», тем самым возводя серьезные препятствия на пути развития российско-натовского диалога. Принятые решения влияют на общую расстановку сил, в том числе далеко за пределами Альянса. Внутренние разногласия существуют, но являются обычным явлением для столь многочисленного объединения, которое продолжает оставаться привлекательным для многих государств.

¹NATO-Georgia Commission Declaration at the Brussels Summit // https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_156627.htm?selectedLocale=en

²Chairman's statement on NATO-Ukraine following the meeting of the North Atlantic Council with Georgia and Ukraine at the Brussels Summit // https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_156623.htm?selectedLocale=en

СУБЪЕКТНАЯ ПОЛИТИКА БЕЛАРУСИ В СФЕРЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Лариса Шанишьева,

зав. сектором Восточной Европы ИНИОН РАН

Ключевые слова: Республика Беларусь; А. Лукашенко; В. Путин; Россия; Союзное государство; Украина; Минские соглашения; региональная безопасность; «Хельсинки-2».

Следует отметить, что на протяжении нынешнего десятилетия прослеживается заметное повышение роли белорусского государства в обсуждении и решении проблем безопасности. Основные направления политики безопасности сформулированы в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, принятой в ноябре 2010 г.¹ и основанной на следующем базовом принципе: «Республика Беларусь является состоявшимся, независимым, суверенным европейским государством, которое не относится ни к одному из мировых центров силы, проводит миролюбивую внешнюю политику и стремится к созданию условий для приобретения нейтрального статуса»².

Проблемы безопасности постоянно находятся в поле зрения руководства страны, соответствующие документы становятся предметом обсуждения на высшем государственном уровне. Значительное место национальной безопасности отводилось в Послании президента РБ А. Лукашенко белорусскому народу и Национальному собранию, как в 2017, так и в 2018 г. В выступлениях главы государства подчеркивалось, что одной из серьезных угроз внешней и внутренней безопасности является обострение международной обстановки. Поскольку в одиночку сложно противостоять вызовам современного мира, РБ делает это коллективно, находясь в составе ОДКБ. При этом «интересам Республики Беларусь отвечает и поэтапное углубление диалога с военным блоком НАТО»³. Это, как считает белорусский президент, важно для снижения потенциальных рисков, которые возникли с приближением Альянса к границам РБ.

Эти вопросы обсуждались и на заседании Совета Безопасности Республики Беларусь 27 февраля 2018 г. Глава государства четко сформулировал свою позицию: «Если говорить объективно, нам не просто бороться с преступностью, потому что все мы видим и понимаем, что происходит вокруг нашей страны. И еще надо понимать то, что Беларусь осталась единственным безопасным, спокойным коридором для передвижения людей, грузов, наверное, и капиталов с Востока на Запад и с Запада на Восток»⁴. Согласно своей Военной доктрине, РБ намерена и дальше развивать систему региональной безопасности с учетом национальных интересов всех государств, а также на основе доверия и взаимопонимания.

В значительной степени внешняя безопасность РБ зависит от отношений с соседними странами – с Латвией, Литвой, Польшей, Россией и Украиной. Разумеется, в отношениях с каждой из них на сегодняшний день присутствуют в разной степени и элементы партнерства, и линии напряженности. Вместе с тем Беларусь стремится учитывать в своей политике соблюдение собственных национально-государственных интересов и сохранение партнерских отношений не только с пограничными европейскими странами, но и с государствами Евразийского региона.

Особое значение для обеспечения внешней и внутренней безопасности РБ имеют ее отношения с РФ. Связанная с Россией обязательствами Союзного договора, Беларусь изначально была ориентирована пророссийски, поскольку в новой геополитической ситуации белорусскому государству выстоять под давлением Запада без поддержки России не представлялось возможным. В последние годы отношения двух ранее близких славянских государств осложняются взаимными претензиями, конфликтами, «нефтегазовыми», «мясными» и «молочными» войнами, что постепенно отдаляет их друг от друга. Можно сказать, что ядро этих отношений постепенно размывается, а противоречия нарастают. Разрушено общее гуманитарное пространство, экономики обеих стран носят принципиально разный характер, отсутст-

¹ Концепция национальной безопасности Республики Беларусь. Утверждено. Указ Президента 9 ноября 2010 г. – Режим доступа: <http://mchs.gov.by/kontseptsiya-natsionalnoy-bezopasnosti-respubliki-belarus/> (Дата обращения 06.07.2018.)

² Там же.

³ Послание к белорусскому народу и национальному собранию. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/poslanie-k-belorusskomu-narodu-i-natsionalnomu-sobraniju-18594/ (Дата обращения – 06.07.2018.)

⁴ Совещание о республиканской системе общественной безопасности. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/neus_ru/view/soveschaniye-o-respu-sisteme-monitoringa-obschestvennoj-besopasnosti-15872/ (Дата обращения – 06.07.2017.)

вует общая стратегия внутриотраслевой интеграции. Кроме того, на внешних рынках Беларусь и Россия иногда вынужденно становятся конкурентами.

Вместе с тем Президент РБ А. Лукашенко неизменно заявляет в своих выступлениях о принципиальной важности сохранения и развития дружественных, союзнических отношений с Россией, имеющих стратегический характер. О необходимости укрепления интеграции в рамках Союзного государства говорилось и на заседании Высшего Государственного совета СГ в Минске в июне 2018 г.

Особенно тесное российско-белорусское взаимодействие развивается в военно-политической и военно-технической сферах. Ежегодно Беларусь и Россия проводят более 40 совместных мероприятий оперативной и боевой подготовки, в том числе масштабные учения с привлечением разного рода войск. Россия и Беларусь сотрудничают в рамках региональной безопасности в качестве восточно-европейской группировки ОДКБ. В 2016 г. введена в строй общая региональная система ПВО.

Что касается военной базы, которую Россия хотела разместить на территории союзника, то после длительных обсуждений было принято решение закрыть этот вопрос. Отвечая на дискуссии в западных СМИ и комментируя эту ситуацию, Президент РБ с присущей ему вербальной непосредственностью заявил: «Говорят – военная база. Да бросьте вы, кому нужны эти 10 самолетов, которые Россия хотела посадить в Бобруйске? Что дает эта база? Что такое в современной войне против НАТО, допустим, самолет? 10 минут боя, он взлетел – и его нет... И потом, что такое аэродром на переднем крае военных действий? Не дай Бог война – две ракеты на взлетно-посадочной полосе – ни один самолет не взлетит. Зачем их сюда?»¹ В 2019 г. заканчивается срок аренды Россией двух ее военных объектов на белорусской территории – РЛС «Волга» под Ганцевичами и узла связи ВМФ под Вилейкой. Видимо, должны будут пройти переговоры сторон о продлении аренды. Но здесь спор если и будет, то о цене, полагают специалисты.

Исключительно сложная международная обстановка в некоторой степени «работает» на Союзный договор, поскольку он дает обеим сторонам дополнительные гарантии в обеспечении безопасности. Россия, безусловно, заинтересована иметь на своей западной границе надежного союзника, сохранить белорусский «стратегический балкон». А Беларусь, в свою очередь, нуждается в поддержке со стороны России, как в экономической сфере, так и в политической. На официальном уровне руководители двух стран время от времени заявляют о позитивном

характере Союзного договора и его потенциальных возможностях. Перспективы движения «по единой траектории» и необходимость устранения имеющихся барьеров в российско-белорусских отношениях обсуждались на встрече двух президентов – В. Путина и А. Лукашенко в Минске в рамках заседания Высшего Госсовета СГ в июне 2018 г.

К сожалению, следует признать, что формирование общего рынка Союзного государства постоянно сталкивается с возникающими проблемами то в продовольственной, то в энергетической сферах. К их числу добавляются вопросы пограничного и визового режимов.

Значительную роль в осложнении белорусско-российских отношений сыграли кризисные события на Украине и последующие действия России. Безусловно, украинский кризис повлиял непосредственно на внешнеполитическую позицию белорусских властей и белорусское общество. Десятки белорусских добровольцев отправились в зону конфликта, причем по разные стороны воюющих сторон. Из Украины в Беларусь двинулись потоки беженцев. Ситуация осложнялась тем, что внутри страны активизировалась оппозиция. Белорусские власти, опасаясь «цветной революции» в собственной стране, прилагали все возможные усилия для урегулирования конфликта на востоке Украины и нивелирования возможных рисков протестного движения в РБ.

Несмотря на то что Беларусь активно заявила о себе как участнице переговорного процесса и сделала все возможное для подписания Минских соглашений, она на первом этапе поддержала новую власть в Киеве, а в дальнейшем постаралась сохранить нейтралитет в спорных вопросах между Россией и Украиной. Серьезной проверкой союзнических отношений стал факт присоединения Крыма к России. До сих пор РБ не признает законность этого решения, что вызывает у российской стороны вопрос: так ли должен вести себя стратегический союзник? Есть вопросы похожего порядка и у Беларуси к России. В основном они обращены к недостаточно эффективной интеграции Союзного государства, отсутствию равновесных союзнических отношений, стремлению российской стороны диктовать свои условия развития сотрудничества. В международных вопросах белорусский президент старается сохранять, по возможности, нейтральную позицию, о которой он периодически напоминает России. В свою очередь российская элита воспринимает многовекторную внешнюю политику Александра Лукашенко как заигрывание с Западом. Между тем ограниченные ресурсы Беларуси, ее особое географическое положение, укрепление государственности и возрастающее значение суверенитета приводят к поиску ресурсов и взаимовыгодного сотрудничества РБ с разными странами.

¹ Встреча с представителями общественности белорусских и зарубежных СМИ. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/vstrecha-s-predstaviteljami-obschestvennosti-belorusskix-i-zarubezhnyx-smi-15509 (Дата обращения – 06.07.2018.)

Что касается роли Беларуси в обеспечении региональной безопасности, то она серьезно проявила себя в создании минской переговорной площадки по выходу из кризиса. В настоящее время, чтобы не утратить роль значимого актора в выполнении минских договоренностей (после того как лидер Казахстана предложил перенести минский мирный переговорный процесс в Астану), Беларусь заявила о готовности направить свой миротворческий контингент из 100 человек для разрешения конфликта в Донбассе.

Президент РБ в своих выступлениях постоянно проводит мысль о том, что Беларусь во многом содействует обеспечению европейской безопасности, создавая надежные транспортные коридоры для движения из Европы в Азию, а также проводя гибкую региональную политику. Кроме того, от нее исходят разные инициативы по мирному урегулированию конфликтов на европейском континенте. Одно из последних предложений такого рода – проект «Хельсинки-2». В условиях наступившего серьезного кризиса системы европейской безопасности А. Лукашенко счел необходимым и возможным инициировать сначала дискуссию об организации нового Хельсинкского процесса, а затем и сам процесс. Соответственно Минск готов стать площадкой для проведения любых мероприятий в рамках этой инициативы.

Вопрос о необходимости глобального диалога по проблемам безопасности обсуждался в Минске на международном форуме «Восточная Европа: В поисках безопасности для всех» (23–25 мая 2018 г.). По приглашению белорусской стороны в работе конференции приняли участие более 350 экспертов из почти 40 стран. Выступая на открытии форума, президент РБ акцентировал внимание на обострении международной обстановки и необходимости возвращения в правовое русло в решении спорных вопросов между странами. В очередной раз он предложил вернуться к ОБСЕ в качестве основы для диалога, а центром переговоров сделать Минск.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что внешняя политика Беларуси после 2015 г. претерпела серьезные изменения. Во многом благодаря инициативе по заключению Минских соглашений А. Лукашенко удалось выйти из внешнеполитической изоляции со стороны Запада и возобновить диалог с общеевропейскими организациями и ведущими странами Европы. Сегодня Республика Беларусь имеет репутацию устойчивой переговорной площадки и является одним из центров региональной дипломатии.

Бюллетень публикуется Отделом проблем европейской безопасности Центра научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем ИНИОН РАН с целью способствовать развитию конструктивного диалога по проблемам безопасности в Евро-Атлантическом регионе. Мнения авторов, высказанные на страницах бюллетеня, отражают их личную точку зрения и не обязательно совпадают с позицией ИНИОН РАН.

Редакционный совет:

Академик В.Г. Барановский

Генерал-майор в отставке В.З. Дворкин

Д-р полит. наук Д.В. Ефременко

Д-р полит. наук А.И. Никитин

Канд. истор. наук А.В. Загорский

Главный редактор – канд. истор. наук Т.Г. Пархалина

Ответственный секретарь – Т.В. Арзаманова

www адрес:

http://www.inion.ru/index.php?page_id=487

всего выпусков: 63 (на конец 2017)

Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-2172